

М. Горький

Достигаев и другие

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Г71

Г71 **Горький М.**
Достигаев и другие / М. Горький – М.: Книга по Требованию, 2021. – 46 с.

ISBN 978-5-4241-2766-3

Один из самых популярных авторов рубежа XIX и XX веков, прославившийся изображением романтизированного деклассированного персонажа («босняка»), автор произведений с революционной тенденцией, лично близкий социал-демократам, находившийся в оппозиции царскому режиму, Горький быстро получил мировую известность.

ISBN 978-5-4241-2766-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© М. Горький, 2021

Горький Максим
Достигаев и другие

А.М.Горький
Достигаев и другие
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:
Достигаев.
Елизавета.
Антонина.
Алексей.
Павлин.
Звонцов.
Варвара.
Ксения.
Донат.
Глафира.
Таисья.
Мелания.
Шура.
Пропотей.
Тятин.
Лаптев.
Калмыкова.
Рябинин.
Бородатый солдат.
Кузьмин.
Поп Иосиф.
Зыбин - помещик.
Губин.
Нестрашные - отец и сын Виктор.
Троеруков.
Целованьев.
Лисогонов.
Мокроусов.
Бетлинг.
Жанна.
Чугунова.
Константин |
Софрон | дети её.
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Купеческий клуб. Солидно обставленная гостиная, против зрителя портрет Александра Третьего во весь рост и в шапке, - тучная, чёрная фигура на голубоватом фоне, за нею - какие-то колонны, они напоминают ленинградскую Биржу. В глубине сцены - широкие двери в двухсветный зал, видно эстраду, на ней - стол, покрытый красным сукном, за столом, на стене - золотая рама, портрет Николая Второго вынут из рамы, в раме торчат два красных флага. Перерыв заседания, в зале остались и беседуют несколько маленьких групп, они постепенно тают, выходя в гостиную, а из неё - в двери налево, в буфет. Направо - дверь в картонную. В уголке, около неё, сидит на краешке мягкого стула, свёртывая козью ножку, старичок Иосиф, поп, в мужицких сапогах, ряса выцвела, остроносый,

лысоватый, в очках. Из зала выходят: П а в л и н, Порфирий Петрович Н е с т р а ш н ы й, бывший городской голова и председатель местного союза Михаила Архангела, он - с палкой, прихрамывает; Кузьма Л и с о г о н о в, фабрикант.

Л и с о г о н о в. Ты, отец Павлин, погоди рассказывать, я пойду чайку спрошу. (Остановился, смотрит на портрет царя, вздохнул.) Что, ваше величество, сынка-то у тебя - рассчитали? Эхе-хе...

Н е с т р а ш н ы й (садясь к столу, угрюмо). Есть у меня догадочка, что Лениным да большевиками кадеты пугают нас. Расчётец у них такой пугать.

П а в л и н. Боюсь, что в этом случае - ошибаетесь вы. Ленин воплощение материализма, злого духа, - земной, грубейшей, дьявольской мудрости...

Н е с т р а ш н ы й. А ты, когда во второй Думе эсером был, небесную мудрость воплощал?

П а в л и н. Ирония ваша едва ли уместна. Во второй Думе, если помните, духовенство было представлено весьма обильно, и в этом сказалась воля народа...

Н е с т р а ш н ы й. Н-да... Пошли попы вприсядку...

П а в л и н. Взглянув же углублённо, мы увидим, что эсерство, отказавшееся от террора, вполне способно к слиянию с кадетизмом, а сей последний является наименьшим злом и - как видим - заключает в себе дальнейшее тяготение направо.

(Подходят и присаживаются к столу: Целованьев, хозяин городских боен, и Троеруков - мукомол, человек лет 50, очень похожий на Александра Третьего; о своём сходстве с царём Троеруков знает. В дверях зала Василий Достигаев беседует с Мокроусовым; Мокроусов - в штатском, он - заведует хозяйством клуба. Так же как и Достигаев, он мелькает на сцене в продолжение всего акта. Достигаев - старшина клуба - ручки в карманах, прислушивается ко всем разговорам, вступает во все беседы, оставаясь один, задумчиво посвистывает.)

Ц е л о в а н ь е в. О чём беседа?

П а в л и н. Вот, Порфирий Петрович говорит, что кадеты нарочно пугают нас Лениным с братией его; пугают, как я понимаю, того ради, чтоб торговое сословие подалось влево, к ним, кадетам, в их власть...

Ц е л о в а н ь е в. А ты, отец Павлин, разве не кадет?

П а в л и н. Никоим образом и никогда не склонюсь. Я вообще...

Д о с т и г а е в (подошёл). Да, вообще-то вот - как?

П а в л и н. Казалось бы, ежели царствующая персона признана не соответствующей значению своему и делу, - изберите другое лицо. У нас ещё сохранились и благоденствуют потомки Рюрика, удельных князей дети...

(Лисогонов возвратился, официант несёт стакан чаю и - в чайнике коньяк.)

Д о с т и г а е в. Потомки, пустые котомки...

Т р о е р у к о в. Во сне живём...

Л и с о г о н о в. В буфете Звонцова ругают - любо слушать!

Ц е л о в а н ь е в. Н-да... комиссар Временного правительства, вроде губернатора нам...

Т р о е р у к о в (лениво). А давно ли он в конторе у меня сидел, дождался смирно, когда я его позову?

Н е с т р а ш н ы й. Что скажешь, Достигаев?

Д о с т и г а е в. Слушаю.

Н е с т р а ш н ы й. Хитришь всё.

Д о с т и г а е в. Учусь.

Н е с т р а ш н ы й. Нельзя понять - куда ты метишь!

Д о с т и г а е в. А ты, Порфирий Петров, куда?

(Нестрашный молчит. Все смотрят на него, ждут. Не дождались.)

П а в л и н. Между прочим, гражданин Звонцов в речи своей коснулся - и весьма обидно - церкви. Среди многих обычных и легкомысленных поношений, коими господа интеллигенты привыкли обременять духовенство, указал он и на то, что, дескать, нужно устранить из богослужения древнеславянский язык, дабы сделать глас божий более вразумительным душе пасомых - наивной душе народа нашего.

Н е с т р а ш н ы й (угрюмо). Наивная! Тоже, сказал! Положи-ка палец в рот ей, наивной... сукиного сына дочери!

Ц е л о в а н ь е в. С войны-то бегут и бегут.

Л и с о г о н о в. Вся Россия дезертирует...

П а в л и н (возбуждаясь). Причину чего служит злокозненная проповедь о свободе мысли, воле народа и прочем...

Н е с т р а ш н ы й. А во время второй Думы ты всё-таки с эсерами обнюхивался и сам всё это проповедовал.

П а в л и н. Утверждение - голословное. Возвращаясь к речи господина коммиссара Звонцова, должен сказать: мнение его о языке ниспровергается тем фактом, что католическая церковь пользуется в службе богу языком латинским.

(Поп Иосиф, свернув козью ножку, закурил.)

П а в л и н. Однако крепость и сила римской церкви от сего не страдает, и даже удары еретиков, подобных Лютеру...

Н е с т р а ш н ы й. Брось, отец Павлин! Речами накормлены мы вполне достаточно, даже до тошноты.

Т р о е р у к о в. Погодите, дайте послушать.

Н е с т р а ш н ы й. Сколько ни глотай воздух, сыт не будешь...

П а в л и н (сердито). Вы, почтеннейший Порфирий Петрович, равно как и всё сословие ваше, волею грозной судьбы ввергаетесь в область политики, опаснейшую для неискущённых в ней. А потому вам необходимо знать, что всё понятное обнаруживает себя как вреднейшая людям глупость, истинная же и святая премудрость скрыта в непонятном и недоступном ухищрениям разума...

Л и с о г о н о в. Верно. Ох - верно!

Т р о е р у к о в. Как во сне живём. Чёрт те что...

П а в л и н (напористо). Религия есть оружие против соблазнов и козней дьявола...

Н е с т р а ш н ы й. Я против религии не спорю.

П а в л и н. И, как всякое оружие защиты, религия подлежит развитию и совершенствованию. Посему: если мы лишились светского главы - необходимо оную заменить духовной. В Москве поднят вопрос об избрании патриарха...

Н е с т р а ш н ы й. Ты скажи, что нам делать, нам?

Л и с о г о н о в. Нам, друг дорогой, хоть сатану давай, - был бы порядок, вот как дело-то стоит.

Т р о е р у к о в (грустно). Что-то, друзья, будто не то делается нами! Всё беседуем. А вот - бабы... им революция не мешает. Они своё дело не бросают...

Огурцы - посолили, капусту - заквасили, грибы...

Д о с т и г а е в. Губин идёт...

П а в л и н. Встреча с этим... лиходеем нежелательна! (Быстро идёт к двери направо, заметил Иосифа.) Ах, это вы, отец Иосиф, махорку курите? Как же это вы здесь - махорку, а?

И о с и ф. Нечего покурить-то, нечего!

П а в л и н. Воздержитесь! Здесь - не трактир.

Н е с т р а ш н ы й (толкая его к двери). Иди, а то скандал будет...

(Павлин, Нестрашный ушли, за ними Лисогонов, неплотно притворив дверь, выглядывает в гостиную. Губин идёт из зала - тяжёлый, толстый человек с оплывшим лицом и наглými глазами. Его сопровождает Алексей Достигаев.)

Г у б и н. Вот это и есть - она?

А л е к с е й. Да.

Г у б и н. Рыжая, в платье сопливенького цвета?

А л е к с е й. Да, да... Жанна Густавовна.

Г у б и н. Ничего, заметная стервоза! Вот эдакие бабёнки вредных лет...

А л е к с е й. Вы хотели сказать: средних лет?

Г у б и н. Я говорю как хочу. Вредных лет, значит - между тридцатью и сорока. Самые интересные. Понял?

А л е к с е й. Не совсем.

Г у б и н. Отец умнее тебя, хотя... тоже не Бисмарк! Ну, айда шампань лакать, баболоб.

И о с и ф. Достопочтенный Алексей Матвеевич...

Г у б и н. Чего?

И о с и ф. Богом вас прошу - заплатите за гусей, коих вы перестреляли...

Г у б и н. Ага! Это - ты? Так я же тебе сказал: подавай в суд.

И о с и ф. Нет на вас суда, кроме божия...

Г у б и н. Врёшь, есть! Пошёл прочь. И - подавай в суд. Не подашь приеду другой раз, ещё кого-нибудь застрелю... понял?

И о с и ф. Я, Алексей Матвеевич, в газету пожалуюсь на вас.

Г у б и н. Валяй! В газету! Архиерею! Валяй... (Ушёл в буфет.)

(Иосиф вынул кисет, свёртывает папиросу, вспомнил, что нельзя курить махорку, и, спрятав кисет, огорчённо махнул рукой, снова сел в угол.)

Ц е л о в а н ь е в. А боится Павлин Губина!

Т р о е р у к о в. Кто его, чёрта, не боится!

(Нестрашный вышел.)

Л и с о г о н о в. Подставили ему ножку попы-то.

Ц е л о в а н ь е в. Положим, это вот Порфирия Петровича тяжёлая лапка вышибла его из городских-то голов.

Н е с т р а ш н ы й. При чём тут я? Архиерей это действовал, после того как Губин дьякона во время обедни за волосы оттаскал.

Т р о е р у к о в. Его в сумасшедший дом...

Н е с т р а ш н ы й. Теперь для сумасшедших города строить надобно.

Л и с о г о н о в. Чу, шумят в буфете! Пойду, взгляну.

(Все ушли. Остался Троеруков, осаниваясь, поглаживая бороду, смотрит на портрет царя и в зеркало на себя. Налил коньяку, встал, пьёт, крикнул.)

И о с и ф. На доброе здоровье.

Т р о е р у к о в (подумав). Да ведь я не чихнул.
И о с и ф. Тогда - простите, ослышался!
Т р о е р у к о в. Ты откуда?
И о с и ф. Из слободы, из Комаровой.
Т р о е р у к о в. Ага... А... чего ждёшь тут?
И о с и ф. Игуменью, мать Меланию ожидаю, по её приказу. Обещала быть здесь.
Т р о е р у к о в. Она - здесь. Коньяк - пьёшь?
И о с и ф. Где уж нам! Самогонцу бы, да и того не сыщешь! Ох, разорется Руть!
Т р о е р у к о в. На-ка, выпей!
И о с и ф. Спаси вас Христос! Будьте здоровы. Ух... Какая... неожиданная жидкость!
Т р о е р у к о в (удовлетворённо). Ожётся? То-то. На ещё...
(Из буфета выходят: Бетлинг, за ним Достигаев и Мокроусов; перед ним, забегая то справа, то слева, - Лисогонов.)
Б е т л и н г (пренебрежительно и ворчливо). Вы - не прыгайте! Вы спокойно...

Л и с о г о н о в. Взволнован честью беседовать с вашим превосходительством...

Б е т л и н г. Позвольте, я сяду. И вы - сядьте! Ну, что же вам угодно?
Л и с о г о н о в. Мудрый совет ваш, ваше...
Б е т л и н г. Вы - короче, без титула...
Л и с о г о н о в. Говорят, что большевик этот - Ленин - выдуман для устрашения нашего...
Б е т л и н г. Как это - выдуман?
М о к р о у с о в. Разрешите сообщить: Ленин, после ареста его шайки, бежал в Швецию. Он - лицо действительное.
(Из буфета, из зала выходят люди, окружают Бетлинга, смотрят на него. В толпе, у стены - Тятин. Вышла Мелания, села в кресло. К ней подходит поп Иосиф, кланяется, подаёт бумагу, беседует. Мелания уводит его в зал. Через некоторое время попик быстро пробирается в буфет.)
Б е т л и н г. Ну да! И, конечно, Швеция выдаст его нам. Вот вы, член городской управы, увлекаетесь политикой, а в городе по улицам нельзя на автомобиле ездить. Видите? Напоминаю вам, что для политики у нас есть Временное правительство...
Л и с о г о н о в. Простите! Конечно, мы - дикари, и кому надо верить - не знаем.
Б е т л и н г. Вот вы снова вскочили и... мелькаете, прыгаете...
Л и с о г о н о в. Утверждают, что большевики завелись даже в нашем городе.

Б е т л и н г. Нельзя придавать значения болтовне каких-нибудь базарных торговков.
Л и с о г о н о в. Это жена комиссара Звонцова говорит.
Б е т л и н г. Что? Не верю. Я знаю её, она благоразумная женщина.
М о к р о у с о в. Осмелюсь доложить: большевики в городе есть.
Б е т л и н г. Есть?

Мокроусов. Так точно.

Бетлинг. Гм... Ну и что же они?

Мокроусов. Проповедуют социализм, так же как и социалисты-революционеры.

Бетлинг. Ну, ну, милейший, у нас всегда что-нибудь проповедуют... Большевики... В Петрограде их арестовали, а что же у нас? Надо арестовать!

Мокроусов. Спрятались, ваше превосходительство.

Достигаев. Некоторые из нас, граф, сомневаются в силе Временного правительства.

Бетлинг. Почему? Ведь вот оно арестует, ловит! Водворяет порядок...

Нестрашный. Вопрос - кто ловит и для чего? Ловят - адвокаты, профессора, интеллигенты и вообще всякая нищая братия.

Бетлинг (утомлён). Но - почему же так резко? Там есть почтенные люди, например - князь Львов и этот... как его?

Достигаев. Князь-то он Львов, да львы-то у него - как будто ослы.

Бетлинг (наильно улыбаясь). Это остроумно... но зачем же так? Мы должны доверять Временному правительству...

Нестрашный. Иные называют его - беременное; будто бы социалисты изнасиловали его.

Бетлинг (беспомощно). Я так не думаю...

Целованьев (Нестрашному). Ну, и здорово Достигаев срезал графа.

Нестрашный. Н-да... Ловок и на язык и на руку.

Целованьев. А-яй, здорово!

Бетлинг (Достигаеву). А как здоровье компаньона вашего, Бульчова?

Достигаев. Он помер с месяц тому назад.

Бетлинг. Ах да, я забыл! Сожалею. Умный человек, своеобразный.

Лисогонов. Не так умён, как дерзок.

Целованьев. К нам, в родовое купечество, он вскочил из приказчиков.

Нестрашный. На дуре женился, а у неё - деньги. Вскочил в наш круг, возгордел счастьем, начал показывать свои качества да и оказался самодуром, вроде Алексея Губина.

Бетлинг. Ах, вот как?

Нестрашный. Вообразил, что лучше его - нет людей и весь свет на нём клином сошёлся...

Бетлинг (с тоской). Почему же не начинают заседание?

(От него постепенно отходят, гостиная пустеет. Он сидит, глядя на портрет царя, отирая рот платком. Оглядываясь на людей, подходит Троеруков, говорит вполголоса.)

Троеруков. Позвольте узнать, ваше превосходительство, верно, что портрет на меня похож?

Бетлинг. Да, есть некоторое...

Троеруков. Ваше превосходительство, вы наш почетный староста, прошу вас: поддержите ходатайство моё...

Бетлинг. Но - позвольте: что же я могу?

Троеруков. Вы - можете! Пустяки, ваше превосходительство! Вы, как патриот, намекните, что если сына убрали, так и отцу неприлично тут висеть. А я бы взял его себе, перекарасил одежду на штатскую, на купеческую...

Б е т л и н г (возмущён). Извините, но вы... вы - с ума сошли? Вы... фантазёр! (Встал, идёт к дверям буфета. Троеруков испуганно скрывается в комнату направо. Навстречу Бетлингу из буфета: Жанна, Елизавета, Достигаев, Зыбин.)

Ж а н н а (говорит с акцентом). Нужно покупать автомобили. Ах, ты здесь? Я тебя искала.

Б е т л и н г. Послушай...

Ж а н н а. Немножко мольчи! Я говорю: нужно делать шик, это удивляет простые люди. Богатство - удивляет, не правда?

З ы б и н. И рабочий народ живёт спокойно, довольствуясь удивлением.

Ж а н н а. Вы всегда делаете иронию, это плохое дело! Ты всё сидел здесь, как этот...

З ы б и н. Орёл на скале.

Ж а н н а. Нет - куриса! Он ужасно много сидит.

Е л и з а в е т а. И что же - высиживает?

Ж а н н а (грозит ей пальцем). Н-но!

Б е т л и н г (раздражённо). Ты обещала придти через две минуты. А меня взяли в плен эти... коммерсанты, один нетрезвый, другой - сошёл с ума, остальные грубияны.

Ж а н н а. Вот, он снова сидит! Лиза - что вы смеётесь?

Б е т л и н г. Политика, политика! Все точно грибами отравились. Что они могут понимать в политике, эти монстры? Я - устал!

З ы б и н. Теперь даже рабочие, солдаты воображают...

Б е т л и н г. Ах, перестаньте, друг мой!

Е л и з а в е т а. После заседания будут танцевать?

М е л а н и я (вышла, садится в кресло у дверей в зал). Нашла время для пляски, умница!

Е л и з а в е т а (весело). Почему же? Старики поговорят, разойдутся, а мы бы...

В а р в а р а (из буфета). Лиза - не видала, где Андрей?

М о к р о у с о в. В маленькой гостинной.

Ж а н н а. Ты - расстроена, Барбиш?

В а р в а р а. Я? Нисколько.

З ы б и н. Варвара Егоровна, добрый вечер! Что, вы уже решили отрубить мне голову?

В а р в а р а. Я - нет! Это Нестрашный и его чёрная сотня решает.

Ж а н н а. Я не хочу политики! Я не хочу, чтобы ты, Варья, рубила голову мосье Зыбин. За что? Он - весёлая голова... Ты - умная голова, а русский народ - добрый! Он не хочет рубить головы своим дворьяне.

(Звонок в зале.)

Б е т л и н г. Наконец! Идём, Жанна.

Ж а н н а. Я всегда думаю, когда говорю - дворьяне. Я долго говорила: дворники, дворняги - маленькие собачки. Это очень смешно!

(Идут в зал. Проходя мимо Мелании, Елизавета не поклонилась ей.)

М е л а н и я. Здравствуй, Елизавета!

Е л и з а в е т а. Ах, извините! (Проскользнула в зал.)

М е л а н и я. Варвара - подожди.

В а р в а р а. Я вам нужна, тётя?

Мелания. Зову, значит - нужна! Чего это муженёк-то твой городил насчёт церкви, болван? Ты что не учишь его? Училась-училась, а учить не умеешь! Политики! Без церкви-то всем вам башки оторвут.

Варвара. Вы не поняли! Андрей говорил о приближении церкви к народу, о том, что богослужение нужно сделать проще, но эффективнее...

Мелания (пристукивая посохом). Страшнее надо, страшнее, угрознее! Эффекты для театров оставьте.

Варвара. Простите, мне нужно мужа...

Мелания (отмахиваясь). Иди, иди! Другого бы поискала мужа-то, поумнее. Беги! Добегаетесь, смутьяны!

(Встала, хочет идти в зал. Нестрашный и Мокроусов выходят из буфета.)

Мокроусов. Подходящего человека не успел найти, Порфирий Петрович.

(Мелания остановилась, слушает.)

Нестрашный. Будучи у меня, в союзе Михаила Архангела, везде успевал, а теперь - не успеваешь? Странно, брат...

Мокроусов. Народ ненадёжен очень.

Нестрашный. Сам-то надёжен ли?

Мокроусов. Оскорбляете, Порфирий Петрович! Он - осторожный человек, прячется...

Мелания. Как же это, где же он прячется, ежели на митингах каждый день орёт?

Мокроусов. Я разумею - по ночам. И один никогда не ходит.

Нестрашный. Ну, ладно! Ты всё-таки... Ты - патриот, не забывай!

Мелания (Нестрашному). Присядь-ка на минутку. (Сели за стол у двери направо, шепчутся.)

Нестрашный. Следует. Только людишки-то у меня в союзе рассеялись. Теперь - такое время: всякому до себя.

Мелания. Ну, много ли надо?

(Звонцов выглянул из двери и быстро скрылся.)

Нестрашный. Да, конечно, сделаем. Ну, кажись, начинается говорильня. Идём?

(Пошли. Из дверей зала - Тятин; Мелания и Нестрашный смотрят вслед ему. Он сел за стол, вынул блокнот, пишет. Выскочил Звонцов, отирая лицо платком, попятился.)

Тятин (встал). Любезный братец...

Звонцов. Некогда мне!

Тятин. Ничего, успеешь совершить подвиги ума и чести.

Звонцов. Это что за тон?

Тятин. Ты пустил слух, будто бы я научил Шуру похитить какие-то деньги отца и деньги эти спрятаны мною...

Звонцов. Не смей... трогать... меня... трести! Скандал устроить хочешь?

Тятин. Правду говоря, не плохо бы! Да я тебя и оскандалю...

Звонцов. Не напечатают! Выгонят из газеты.

Тятин (оттолкнув его). Экая ты дрянь!

Звонцов. Я не знаю, кто выдумал эту сплетню, но я её не повторял. Деньги! Чего теперь стоят деньги? Я не скрою, твоя позиция неожиданна для